

*С.А. Ковалевский***К вопросу о происхождении ирменской культурно-исторической общности (историографический аспект)****S.A. Kovalevsky***To a Question on an Origin of Irmenskaya Cultural-Historical Generality: Historiographic Aspect**

Статья посвящена истории изучения вопроса о происхождении ирменской культурно-исторической общности на территории Западносибирской лесостепи. Были проанализированы точки зрения различных исследователей за период с 1920-х гг. до начала XXI в. Показано изменение представлений исследователей о происхождении и культуриогенезе данного образования эпохи поздней бронзы.

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы, ирменская культурно-историческая общность, ирменская культура, карасукская культура, андроновская культура.

Вопросы происхождения археологических культур и культурных общностей являются одними из ключевых в археологии. Происхождение одного из самых крупных культурных образований, существовавшего на территории юга Западной Сибири в эпоху поздней бронзы и получившего название «ирменская культура», находилось в центре внимания специалистов, начиная с 1920–1930-х гг. XX в. На основании известных на тот момент немногочисленных материалов С.А. Теплоухов, а затем М.П. Грязнов отнесли памятники эпохи поздней бронзы Верхней Оби к карасукской культуре [1, с. 44; 2, с. 5–6]. При этом М.П. Грязнов обратил внимание на имеющиеся отличия карасукской посуды Верхней Оби от карасукской посуды Минусинской котловины [2, с. 5–6]. С.В. Киселёв в обобщающей работе по истории Сибири связал происхождение памятников эпохи поздней бронзы Верхнеобского региона с результатом воздействия местного для данной территории андроновского и пришлого карасукского населения Минусинской котловины [3, с. 156].

Вопрос о происхождении памятников эпохи поздней бронзы юга Западной Сибири приобрёл особую актуальность в середине 1950-х гг. в связи с выделением на основе одних и тех же материалов

Given article is devoted to a history of studying the question concerning an origin of Irmenskaya cultural-historical generality on the territory of forest-steppe Western Siberia. The author analyzes points of view expressed by various researchers for the period from 1920s to the beginning of XXI century. The work shows changing researchers' notions about origin and cultural development of the given generality dated from the epoch of Late Bronze.

Key words: Late Bronze epoch, Irmenskaya cultural-historical generality, Irmenskaya culture, Karasukskaya culture, Andronovskaya culture.

(преимущественно поселения Ирмень-1) Н.Л. Членовой ирменской культуры и М.П. Грязновым группы верхнеобских памятников карасукской эпохи. В 1955 г. Н.Л. Членова высказала точку зрения, что ирменская культура сложилась на основе андроновской культуры в результате синтеза с лесными племенами при опосредованном влиянии карасукской культуры [4, с. 55].

Отметил преемственность от андроновской культуры для выделенных им верхнеобских памятников карасукской эпохи и М.П. Грязнов. Исследователь отметил, что нет доказательств автохтонного развития племен карасукского времени на Верхней Оби, хотя нет и конкретных указаний о наличии внешних импульсов для сложения тех или иных особенностей культуры верхнеобских племен карасукской эпохи. М.П. Грязнов предложил и первый вариант периодизации карасукской эпохи Верхнего Приобья, выделив два типа керамики – ранний гладкостенный и поздний воротничковый. По мнению исследователя, происхождение гладкостенного типа керамики было связано с посудой андроновской культуры [5, с. 32–44].

В 1960-е гг. преемственность памятников эпохи поздней бронзы Обь-Иртышского междуречья от андроновской культуры и участие в их формировании

* Работа выполнена при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времён до современности» (шифр 2009-1.1-301-072-016).

карасукского населения Минусинской котловины подчеркивали в своих статьях А.И. Мартынов, А.П. Уманский и Т.Н. Троицкая [6, с. 131–133; 7, с. 164–182; 8, с. 22–26; 9, с. 32–46]. Т.Н. Троицкая на основании поселенческого материала эпохи поздней бронзы Новосибирского Приобья выделила три хронологически последовательных этапа развития карасукской культуры. Посуда раннего этапа находила, по её мнению, наибольшие соответствия в андроновской керамике [9, с. 36–39].

Иную точку зрения на происхождение ирменской культуры высказал М.Ф. Косарев. В статье, а позднее и в диссертационном исследовании, он выделил на территории Обь-Иртышья, кроме ирменской, еловскую и молчановскую культуры и констатировал факт участия местного (еловского), северного таежного и карасукского компонентов в формировании ирменской культуры. При этом роль карасукского компонента в формировании ирменской культуры была охарактеризована исследователем как второстепенная, а роль андроновского компонента отрицалась совсем [10, с. 169–175; 11, с. 9–11]. В.А. Посредников поддержал М.Ф. Косарева по вопросу происхождения ирменской культуры, заметив, что она сформировалась в результате смешения еловского и верхнеобского населения [12, с. 171].

На этом этапе изучения ирменской культурно-исторической общности немногочисленные ещё памятники эпохи поздней бронзы Верхнеобского региона рассматривались большинством исследователей в соответствии с концепцией М.П. Грязнова в рамках карасукской эпохи или культуры в виде её отдельных вариантов. В качестве основного компонента, на базе которого произошло формирование населения эпохи поздней бронзы Верхнеобского региона и сопредельных территорий, многие исследователи рассматривали андроновскую культуру.

В начале 1970-х гг. произошёл пересмотр взглядов исследователей в отношении хронологии и культурной принадлежности памятников эпохи поздней бронзы Обь-Чулымского междуречья. Это было связано с признанием ирменской культуры (по Н.Л. Членовой) и удревнением еловской культуры, выделенной М.Ф. Косаревым еще в 1964 г. Таким образом, для ирменской культуры оставался хронологический промежуток между еловской культурой и культурами кануна раннего железного века (большереченской и завьяловской). Большинство исследователей в своих публикациях начиная с 1970-х гг. приняли название «ирменская культура» и стали датировать ее в пределах первых трех веков I тыс. до н.э.

М.Ф. Косарев пересмотрел свою прежнюю точку зрения о неучастии андроновского компонента в сложении культуры позднего бронзового века Верхнеобского региона. Исследователь пришел к выводу о сложении во II тыс. до н.э. на территории юга Западной

Сибири нескольких андроновидных культур, в числе которых была и еловская. Именно на базе еловской культуры, по мнению М.Ф. Косарева, сформировалась ирменская культура [13, с. 103–121].

Особую точку зрения по вопросу о культурогенезе населения эпохи поздней бронзы Верхнеобского региона высказал В.И. Матющенко. Исследователь объединил выделенные ранее ирменскую и еловскую культуры в единую еловско-ирменскую культуру с достаточно продолжительной хронологией. Говоря о происхождении выделенной им еловско-ирменской культуры, В.И. Матющенко указал, что в Приобье она являлась исторической преемницей самусьской культуры. Кроме того, на ее формирование повлияла андроновская культура (на еловском этапе). На ирменском этапе данной культуры известное воздействие на нее оказали карасукцы, хотя их влияние, как замечает исследователь, было сравнительно слабым. В.И. Матющенко указывает и на определенные связи (на ирменском этапе) с населением Средней Азии, Казахстана и Восточной Европы (Прикамье) [14, с. 128–165].

Д.Г. Савинов и В.В. Бобров в публикации материалов Титовского курганного могильника высказали своё мнение о процессах культурогенеза в эпоху поздней бронзы на территории Западной Сибири. Исследователи отметили участие андроновского компонента в формировании ирменской культуры. По их мнению, оно выразилось в обряде погребения (деревянные рамы или грунтовые захоронения, юго-западная ориентировка погребенных), в орнаменте (треугольники, обращенные вершинами вверх, косо заштрихованные ленты, зигзаги и т. п.) и в некоторых формах бронзовых украшений (браслеты с шишечками). Исследователи обратили внимание на то, что по степени проявления андроновского компонента ирменские памятники достаточно однородны. Карасукский компонент, по их наблюдениям, проявился на территории Верхней Оби в обряде погребения (каменные ящики и каменные курганы), керамике (круглодонная посуда), приемах ее орнаментации (несколько рядов треугольников, обращенных вершинами вверх, гирлянды). Авторы публикации считают, что карасукские черты на данной территории, скорее всего, следует рассматривать как результат миграции какой-то части карасукского населения из Минусинской котловины [15, с. 47–62].

В более поздней публикации Д.Г. Савинов и В.В. Бобров высказали мнение, что ирменские аналоги карасукским вещам не являются точной копией карасукских прототипов, а в значительной степени уже переработаны в местной среде, и, следовательно, в них следует видеть результат не миграции, а диффузии. Все предметы из Титовского могильника находят аналогии в карасукских памятниках заключительного каменнолоожского этапа (по периодизации М.П. Грязнова), что, по мнению исследователей, может сви-

детельствовать о продвижении групп карасукских племен через горные перевалы в районе верховий реки Томи из минусинских степей в бассейн реки Ини. В качестве причины этого расселения называлось появление в Минусинской котловине раннетагарских племен с юга [16, с. 134–135]. Карасукское происхождение бронзовых предметов из ирменских комплексов было дополнительно аргументировано Б.Н. Пяткиным, опубликовавшим результаты спектральных анализов из Титовского могильника [17, с. 63–65].

Во второй половине 1980-х – 2000-е гг. появились обобщающие работы, где были подведены итоги изучения памятников эпохи поздней бронзы, изложены точки зрения по вопросу происхождения ирменской культуры. В.И. Молодин в монографии, обобщающей результаты изучения памятников эпохи бронзы Барабинской лесостепи, рассматривая происхождение ирменской культуры, высказался в пользу участия «... андроновского субстрата в формировании ирменской культуры, выразившегося в сохранении ряда элементов орнамента андроновской керамики в ирменской посуде и в определенном сходстве в погребальном обряде андроновцев (федоровцев) и ирменцев». Вторым основным компонентом, который лег в основу ирменской культуры, В.И. Молодин считает позднекротовский компонент. Исследователь отметил некоторое сходство инвентаря, элементов погребального обряда (захоронение в могиле вместе с погребенным черепа другого человека, частичный обжиг трупов при погребении), а также совпадение ареала распространения кротовской и ирменской культур. В отношении карасукского компонента В.И. Молодин разделяет точку зрения В.И. Матющенко, считая, что сходство карасукской и ирменской культур объясняется тем, что в их основе лежит андроновский (фёдоровский) пласт, хотя он и признал существование прямых связей между этими культурами на востоке ирменского ареала. Кроме того, В.И. Молодин предположил сосуществование ирменской культуры с барабинским вариантом сузгунской культуры [18, с. 136–143].

Впоследствии в совместной публикации с А.В. Новиковым В.И. Молодин подтвердил высказанную ранее точку зрения об андроновско-кротовской основе ирменской культуры, о чем, по его мнению, свидетельствует антропологический тип ирменцев, представленный смешанным европеоидно-монголоидным населением [19, с. 84–89]. В одной из последних публикаций В.И. Молодин пишет о контактах, существовавших на территории Обь-Иртышской лесостепи между населением ирменской культуры и мигрантами с территории Казахстана, непосредственно связанными с бегазы-дандыбаевской культурой [20, с. 70].

По итогам изучения преимущественно поселенческих ирменских памятников Верхнего Приобья новосибирскими исследователями была разработана общая схема происхождения и развития ирменской культуры.

Так, Е.А. Сидоров на основании стратиграфических наблюдений при раскопках исследованного им крупного, долговременного ирменского поселения Милованово-3 выделил ранний керамический комплекс, генетически связанный с андроновской керамикой Новосибирского Приобья и Барабы, а также проследил эволюцию ирменской керамики – от валиковой керамики к воротничковой, а затем к гладкостенной [21, с. 10–20]. В другой статье А.А. Сидоров назвал андроновский компонент основным в сложении раннего комплекса поселения Милованово-3, но в то же время отмечал и определенное воздействие еловской культуры [22, с. 63–70].

Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. А.В. Матвеев на основании преимущественно поселенческих материалов Верхнего Приобья предложил свою периодизацию ирменской культуры, которая, по его мнению, прошла в своём развитии три этапа (ранний быстровский, классический ирменский и позднеирменский). А.В. Матвеев полагает, что происхождение ирменской культуры связано с генезисом андроновской (фёдоровской) культуры [23, с. 14–19; 24, с. 56–69; 25, с. 135]. Он высказал предположение об автохтонности ирменской культуры в восточной части западносибирской лесостепи. Происхождение ирменской культуры А.В. Матвеев выводит из позднеандоновского ордынского субстрата. На разных этапах существования ирменской культуры признаётся влияние культур валиковой керамики юго-западного Алтая и Восточного Казахстана, еловской южнотаёжного Приобья. Предполагается влияние культуры, сходной с еловской, исследованной в лесных районах правобережья Барнаульского Приобья [26, с. 98–101]. Впоследствии в докторской диссертации А.В. Матвеев отнес ирменскую и саргаринско-алексеевскую культуры к культурам андроновского типа, сформировавшимся на «чистой» андроновской основе [27, с. 43].

Периодизация А.В. Матвеева подверглась критике (Н.Л. Членова, В.В. Бобров, С.А. Григорьев). Н.Л. Членова в сводной монографии, посвящённой памятникам конца эпохи бронзы в Западной Сибири, выступила против разделения ирменской культуры на отдельные этапы, считая, что для этого пока недостаточно датирующих вещей, а сама эта культура существовала короткое время. Выделенные А.В. Матвеевым переходные андроновско-ирменские памятники (Ордынское-12, Красный Яр-1) Н.Л. Членова считает еловско-симанскими, а быстровские материалы – типично ирменскими и корчажкинскими [28, с. 25–28].

В.В. Бобров высказал мнение об идентичности памятников быстровского типа и памятников корчажкинской культуры. Сами эти памятники исследователь считает корчажкинскими [29, с. 70]. В докторской диссертации, подводя итоги изучения памятников эпохи поздней бронзы в Кузнецко-Салаирской горной

области, В.В. Бобров указал, что в происхождении ирменской культуры (главным образом в Приобье) в большей степени принял участие андронидный субстрат. Исследователь согласился и с участием андроновского субстрата. Что касается других компонентов, то, по мнению В.В. Боброва, в различных районах распространения ирменской культуры они могли быть различны [30, с. 33–34].

Для Кузнецко-Салаирской горной области В.В. Бобров и его соавторы допускают мысль о непосредственном участии андроновцев в формировании ирменской культуры. Выделяются также признаки, восходящие к андронидному культурно-историческому пласту и культурам Среднеенисейского региона (карасукской и лугавской) [31, с. 91–92; 32, с. 25, 28, 34].

С.А. Григорьев предположил переднеазиатское или закавказское происхождение ирменского компонента, который «накладывается» на ордынский субстрат, в результате чего формируется синкретичный быстровский керамический тип, подавляемый впоследствии ирменской традицией [33, с. 281–285].

Вместе с тем многие сибирские археологи приняли концепцию развития ирменской культуры, сформулированную А.В. Матвеевым. В.А. Зах, исследовавший в 1970-е – первой половине 1980-х гг. памятники неолита и бронзы Присалаирья, выделил на данной территории быстровские и ирменские памятники. Исследователь высказал точку зрения, что раннее ирменское население (быстровское) формируется в Приобье и Присалаирье на основе фёдоровского при непосредственном участии гребенчато-ямочных (большеларьякских) и крохалёвских комплексов. Исследователь признает и карасукское влияние, ощущавшееся на всем протяжении существования ирменской культуры [34, с. 57–66].

О.И. Новикова на основании изучения материалов поселений Ельцовское-II и Милованово-III сделала выводы о правомерности выделения раннего (быстровского) этапа ирменской культуры и синхронности карасукской и ирменской культур [35, с. 132]. В диссертационном исследовании, написанном по материалам поселения Милованово-III, основным в формировании ирменской культуры О.И. Новикова назвала степной андроновский компонент. В качестве второго компонента, связанного, по мнению исследователя, с формированием собственно ирменских черт, называется карасукское влияние с востока. Кроме того, выделяются валиковый, корчажгинский и еловский компоненты, оказавшие не такое большое влияние [36, с. 17–20].

В последние годы концепцию А.В. Матвеева развивает М.В. Титова. В совместных статьях с В.А. Суминым и Т.Н. Троицкой, на основании материалов Крохалёвского археологического микрорайона, М.В. Титова высказала мнение, что ирменская культура постепенно развивалась на преDIRменской

(еловской, по её мнению) основе [37, с. 195–197; 38, с. 98–100].

А.Я. Труфанов также принял периодизацию ирменской культуры, разработанную А.В. Матвеевым. Исследуя памятники среднеиртышского (розановского) варианта ирменской культуры на территории лесостепного Прииртышья, он предположил появление ирменского населения в этом регионе в середине (конце) IX в. до н.э. «...в период существования на Верхней Оби ирменской культуры на ее ирменском этапе (по А.В. Матвееву)». Не имеющая здесь местных корней ирменская культура, по мнению исследователя, смешивается с местной сузгунской культурой, трансформируясь постепенно в саргатскую культуру раннего железного века [39, с. 11–13].

Впоследствии омские исследователи на основании изучения новых материалов вернулись к вопросу о происхождении культурных образований эпохи поздней бронзы лесостепного Прииртышья. По мнению Л.И. Погодина и А.В. Полеводова, специфика среднеиртышского (розановского) варианта ирменской культуры заключается в заметной примеси местного, андронидного компонента, обусловленной участием в генезисе розановских комплексов пахомовского и сузгунского населения, а также дальнейшими контактами между ирменскими и сузгунскими коллективами Прииртышья [40, с. 117–133].

Ю.Ф. Кирюшин и А.Б. Шамшин для территории Алтайского Приобья выделили самостоятельную андронидную корчажгинскую культуру. Говоря о появлении ирменских памятников в Алтайском Приобье, исследователи согласились с концепцией развития ирменской культуры А.В. Матвеева. По их мнению, формирование ирменской культуры шло на территории Новосибирского Приобья, где имеются памятники раннего быстровского этапа. Проникновение же «ирменцев» на юг, в том числе и в Алтайское Приобье, занятое населением выделенной ими корчажгинской культуры, происходило на ирменском этапе ирменской культуры [41, с. 137–158].

По мнению А.Б. Шамшина, ирменская культура формируется в Верхнем Приобье на основе андроновской традиции при участии населения бегазыдандыбаевской культуры Центрального Казахстана и «валиковцев». Это подтверждает, по его мнению, хозяйственный тип ирменского населения, близкий к хозяйственному типу «валиковцев» [42, с. 111–115].

В специальной статье барнаульские исследователи допускают, что на ранних этапах «валиковцы» могли принять участие в формировании ирменской культуры и ее хозяйственного типа. Исследователи считают, что в этом процессе приняли участие и группы населения бегазыдандыбаевской культуры. Подтверждением этого участия, по мысли авторов, является высокое содержание костей лошади на бегазинских поселениях Кулунды (что характерно и для ирменских поселений);

андроноидный геометризм на ирменской посуде, вероятно позаимствованный у «бегазинцев»; наличие в Верхнем Приобье приемов земледелия и злаковых культур, попавших на эту территорию через Казахстан из Средней Азии [43, с. 138–142].

Позднее Ю.Ф. Кирюшин высказал точку зрения о том, что в происхождении племен ирменской культуры несомненное участие приняло андроноидное население [44, с. 59–63]. Более определенно Ю.Ф. Кирюшин высказался в совместной статье с В.С. Удодовым. Исследователи полагают, что бегазы-дандыбаевский комплекс в лесостепном Приобье был промежуточным генетическим звеном между андроноидной (фёдоровской) и ирменской культурами, при этом последняя не имеет прямой генетической связи с андроноидной [45, с. 53–56]. Позднее исследователи дополнительно аргументировали этот вывод в отдельных статьях [46, с. 47; 47, с. 81–92].

В.А. Могильников, напротив, полагал, что Барнаульское Приобье было одним из центров формирования ирменской культуры. Само это формирование предполагалось как процесс взаимодействия андроноидного населения и влияния карасукской культуры в последней трети II тыс. до н.э. Ирменское население генетически следовало здесь непосредственно за андроноидным. Исследователь считал, что еловские и оформившиеся на их основе корчажкинские комплексы появляются в Барнаульско-Бийском Приобье уже в ирменское время или на рубеже формирования ирменской культуры, в X–IX вв. до н.э. [48, с. 151–154].

Н.Л. Членова посвятила происхождению ирменской культуры специальную статью, в которой высказала мнение о том, что в основе сложения данного культурного образования лежит андроноидная культура, местная, по ее мнению, для территории юга Западной Сибири. Другие слагающие компоненты Н.Л. Членова характеризует как привнесённые на территорию будущей ирменской культуры мигрантами. При этом Н.Л. Членова замечает, что «...прародина карасукоидного компонента ирменской культуры пока неясна; ясно лишь, что он не восходит к карасукской культуре Минусинской котловины». Исследователь предполагает, что этой прародиной мог быть Казахстан. Бегазы-дандыбаевский компонент Н.Л. Членова считает привнесённым в уже сложившуюся ирменскую культуру. Валиковий компонент, по ее мнению, был незначительным, затронувшим главным образом юго-западную часть ареала ирменской культуры [49, с. 76–77].

М.Ф. Косарев в одном из своих монографических исследований сделал вывод о том, что ирменская культура выросла преимущественно на позднееловской и быстровско-корчажкинской основе. Кроме того, исследователь высказал мнение по поводу наличия дандыбай-бегазинских черт в посуде ирменских памятников лесостепного Приобья, которые, по его

мнению, являются «...не результатом центрально-казахстанских воздействий, а обусловлены сходным направлением трансформации андроноидной (фёдоровской) керамики в тех местах, где непосредственные потомки фёдоровцев не подвергались существенным инокультурным воздействиям и сохранили относительную этническую чистоту» [50, с. 106]. По мнению М.Ф. Косарева, быстровские древности дали две линии развития – собственно ирменскую и мыльниково-большереченскую [51, с. 229–231].

Анализ краниологического материала из ирменских могильников западносибирской лесостепи, проведенный в разные годы специалистами, свидетельствует о сложности процессов формирования ирменского населения на различных территориях. В совместной статье с В.И. Молодиным Т.А. Чикишева по антропологическим материалам ирменской части могильника Преображенка-III сделала вывод о наибольшем сходстве черепных серий ирменского населения Барабинской лесостепи с андроноидными Центрального и Восточного Казахстана и Верхнего Приобья. Т.А. Чикишева отметила и сходство ирменского и карасукского населения Минусинской котловины (преимущественно ее северной части), оговорив при этом, что природа этого сходства, вероятно, лежит в общем андроноидном субстрате ирменского и карасукского населения. Кроме того, Т.А. Чикишева отметила некоторую расовую неоднородность в ирменской среде, а также наличие локальных антропологических комплексов, соответствующих, по ее мнению, археологическим локальным вариантам ирменской культуры: томскому, сложившемуся на основе синтеза позднееловской и ирменской культур, и инскому, в основе которого лежит андроноидная культура. Говоря о европеоидном компоненте ирменской культуры, Т.А. Чикишева пишет о постоянном и интенсивном притоке на территорию лесостепного Обь-Иртышья андроноидных казахстанских степей. В качестве местного субстрата называется кротовский компонент [52, с. 195–198].

Антропологический анализ журавлевской краниологической серии, произведенный Т.А. Чикишевой в коллективной монографии, посвященной могильнику Журавлёво-4, характеризует ирменское население Кузнецкой котловины как морфологически неоднородное. Последнее предполагает сложность его расового состава. Отмечается, что краниологическая серия из Журавлёво наиболее близка сериям карасукской и лугавской культур, что выделяет кузнецких ирменцев, карасукцев и лугавцев в отдельную локальную группу, отличную от других групп ирменского населения [31, с. 91–92, 122, 133].

Впоследствии Т.А. Чикишева выделила в докторской диссертации антропологическую общность, связанную с генетически родственными культурами скотоводческо-земледельческих племён степной и

лесостепной зоны южного региона Сибири. В эту общность, по её мнению, входили ирменские, карасукские, андроновские и андронидные племена. Т.А. Чикишева полагает, что территориально ирменская культура формировалась в предгорьях Алтайской области по правобережью Верхней Оби. Происхождение ирменской культуры Т.А. Чикишева связывает с западносибирскими группами носителей андроновской культуры. Подтверждается и участие носителей карасукской культуры, которые на уровне мужских подгрупп вошли в антропологический состав томского варианта ирменской культуры, но на уровне женских подгрупп являются объединяющим компонентом её инского и барабинского вариантов [53, с. 31–32].

В.А. Дрёмов на основании изучения антропологических материалов эпохи поздней бронзы Верхнего Приобья пришёл к выводам, что население Верхнего Приобья конца бронзового века сложилось в результате смешения различных групп, составляющих в предшествующее время две четко выраженные антропологические зоны: южную – в лесостепной полосе – европеоиды-андроновцы и северную – в подтаёжной зоне – метисные группы [54, с. 129, 149]. Исследователь полагает, что формирование населения западносибирской лесостепи в эпоху поздней бронзы происходило в результате смешения ранее изолированных групп и нивелирования расовых различий, существовавших между ними в предшествующее время. Он считает бесспорным, что все ирменские группы сложились на андроновской основе, при участии в их формировании населения, имевшего в своём составе монголоидную примесь и связанного происхождением с доандроновским населением Сибири. По мнению исследователя, в ирменское время происходит дальнейшее увеличение европеоидного компонента в составе населения Томского Приобья, вероятно, связанного с проникновением карасукцев на нижнюю Томь [54, с. 162–163].

Таким образом, по вопросу генезиса ирменских памятников Западной Сибири имеются существенные различия во взглядах исследователей. Фактически все учёные признают участие андроновского субстрата в генезисе ирменского населения. Различия прояв-

ляются лишь в том, каким образом андроновский компонент повлиял на формирование ирменской общности – непосредственно или в трансформированном виде, через другие культурные образования. Такие исследователи, как В.В. Бобров, М.П. Грязнов, В.А. Дрёмов, С.В. Киселёв, А.И. Мартынов, В.А. Могильников, В.И. Молодин, Л.Н. Мыльникова, Д.Г. Савинов, Т.А. Чикишева и Н.Л. Членова, в разные годы писали о том, что андроновский (фёдоровский) компонент непосредственно повлиял на формирование ирменской культуры.

Другие исследователи полагают, что между андроновской и ирменской культурами существовал промежуточный этап (культура). Следовательно, андроновские признаки вошли в ирменскую культуру опосредованно. В качестве субстрата, на основе которого формировались собственно ирменские памятники, эти исследователи называют еловскую культуру (М.Ф. Косарев, В.А. Посредников, В.А. Сумин, М.В. Титова, Т.Н. Троицкая), еловский этап еловско-ирменской культуры (В.И. Матюшенко), быстровский этап ирменской культуры (В.А. Зах, Ю.Ф. Кирюшин, А.В. Матвеев, О.И. Новикова, А.Б. Шамшин).

При рассмотрении вопросов компонентного состава большинство исследователей признают влияние на ирменский культурогенез и других составляющих. Почти все исследователи выделяют карасукский компонент. Различия заключаются лишь в степени участия данного компонента в ирменском культурогенезе. Кроме того, исследователи пишут о влиянии кротовского (В.И. Молодин, Т.А. Чикишева), еловского (А.В. Матвеев, В.А. Могильников, О.И. Новикова, Е.А. Сидоров), корчажкинского (В.В. Бобров, Ю.Ф. Кирюшин, А.В. Матвеев, В.А. Могильников, О.И. Новикова, А.Б. Шамшин), сузгунского (В.И. Молодин, Л.И. Погодин, А.В. Полеводов, А.Я. Труфанов), бегазы-дандыбаевского (В.И. Молодин, Ю.Ф. Кирюшин, В.С. Удодов, Н.Л. Членова, А.Б. Шамшин), саргаринско-алексеевского (Ю.Ф. Кирюшин, А.В. Матвеев, О.И. Новикова, В.С. Удодов, Н.Л. Членова, А.Б. Шамшин), лугавского (В.В. Бобров, В.А. Зах, Т.А. Чикишева, Н.Л. Членова) и других компонентов, которые обусловлены территориальными и хронологическими факторами.

Библиографический список

1. Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлургических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. – 1929. – Т. 4. – Вып. 2.
2. Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. – Новосибирск, 1930. – Вып. 2.
3. Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. – М., 1951.
4. Членова Н.Л. О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири // Советская археология. – 1955. – №23.
5. Грязнов М.П. История древних племён Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // Материалы и исследования по археологии. – №48. – М.; Л., 1956.
6. Мартынов А.И. Новый район карасукской культуры // Советская археология. – 1964. – №2.
7. Мартынов А.И. Карасукская эпоха в Обь-Чулымском междуречье // Сибирский археологический сборник: межвузовский сборник научных трудов / под ред. А.П. Окладникова. – Новосибирск, 1966.

8. Уманский А.П. Могильник карасукского времени у станции Плотинная по аварийным раскопкам 1968 года // Археология и краеведение Алтая : межведомственный тематический сборник научных трудов. – Барнаул, 1972. – Вып. 4.
9. Троицкая Т.Н. Карасукская эпоха в Новосибирском Приобье // Бронзовый и железный век Сибири. Древняя Сибирь : сб. науч. ст. / под ред. А.П. Окладникова. – Новосибирск, 1974. – Вып. 4.
10. Косарев М.Ф. О происхождении ирменской культуры // Памятники каменного и бронзового веков Евразии : межвузовский сборник научных трудов. – М., 1963.
11. Косарев М.Ф. Бронзовый век Обь-Иртышья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1964.
12. Посредников В.А. Томское Приобье в карасукское время // Происхождение аборигенов Сибири и их языков : материалы межвузовской конференции / под ред. А.П. Дульзона. – Томск, 1969.
13. Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. – М., 1974.
14. Матюшенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири / отв. ред. В.И. Мошинская. – Томск, 1974. – Вып. 12.
15. Савинов Д.Г., Бобров В.В. Титовский могильник (к вопросу о памятниках эпохи поздней бронзы на юге Западной Сибири) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири : сб. науч. ст. / под ред. А.П. Окладникова. – Новосибирск, 1978.
16. Савинов Д.Г., Бобров В.В. Титовский могильник эпохи поздней бронзы на реке Инь // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы : сб. науч. ст. / под ред. А.П. Окладникова. – Новосибирск, 1981.
17. Пяткин Б.Н. Результаты спектральных анализов бронзовых предметов из могильника Титово-1 // Древние культуры Алтая и Западной Сибири : сб. науч. ст. / под ред. А.П. Окладникова. – Новосибирск, 1978.
18. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск, 1985.
19. Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгерского района Новосибирской области. – Новосибирск, 1998.
20. Молодин В.И. Современные представления об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи (к постановке проблемы) // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею проф. Т.Н. Троицкой) : сб. науч. тр. / под ред. В.И. Молодина. – Новосибирск, 2010.
21. Сидоров Е.А. Стратиграфия поселения Милованово-3 // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири : сб. науч. тр. / под ред. Т.Н. Троицкой. – Новосибирск, 1983.
22. Сидоров Е.А. Об андроновском компоненте в сложении ирменской культуры (по материалам раскопок поселения Милованово-3) // Археологические исследования в районах новостроек Сибири : сб. науч. тр. / под ред. В.И. Молодина. – Новосибирск, 1985.
23. Матвеев А.В. Ирменские поселения лесостепного Приобья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1985.
24. Матвеев А.В. Некоторые итоги и проблемы изучения ирменской культуры // Советская археология. – 1986. – №7.
25. Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. – Новосибирск, 1993.
26. Матвеев А.В. К вопросу об историко-культурной систематике и хронологии памятников эпохи поздней бронзы Западно-Сибирской лесостепи // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири : тезисы докл. к науч. конф. / под ред. А.П. Деревянко. – Барнаул, 1988.
27. Матвеев А.В. Лесостепное Зауралье во II – начале I тыс. до н.э. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2000.
28. Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. – М., 1994.
29. Бобров В.В. Культурная принадлежность и хронология памятников предандроновского времени и поздней бронзы Обь-Чулымского междуречья // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири : тезисы докл. к науч. конф. / под ред. А.П. Деревянко. – Барнаул, 1988.
30. Бобров В.В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы : дис. ... д-ра ист. наук в форме научного доклада. – Новосибирск, 1992.
31. Бобров В.В., Чижишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлёво-4. – Новосибирск, 1993.
32. Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Мыльников В.П. К вопросу об ирменской культуре Кузнецкой котловины // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы : сб. науч. тр. / под ред. Ю.Ф. Кирюшина. – Барнаул, 2004.
33. Григорьев С.А. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции (Южный Урал: природно-географические факторы и историко-культурные процессы). – Челябинск, 1999.
34. Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). – Новосибирск, 1997.
35. Новикова О.И. Охранные работы на поселении Ельцовское-2 (в дополнение к периодизации ирменской культуры) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края : материалы научно-практической конференции / под ред. Ю.Ф. Кирюшина. – Барнаул, 1997. – Вып. VIII.
36. Новикова О.И. Эволюция декоративно-морфологических типов ирменской керамики (по материалам поселения Милованово-3) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1998.
37. Сумин В.А., Титова М.В. Распространение еловской культуры в Новосибирском Приобье // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории : материалы XII ЗСАЭК / под ред. Л.А. Чиндиной. – Томск, 2001.
38. Титова М.В., Троицкая Т.Н. К вопросу о связи между еловской и ирменской культурами // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы : сб. науч. тр. / отв. ред. А.Б. Шамшин. – Барнаул, 2008.
39. Труфанов А.Я. Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку лесостепного Прииртышья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1990.
40. Погодин Л.И., Полеводов А.В. Комплекс финальной бронзы могильника Боровянка-XVII в Среднем Прииртышье // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века : сб. науч. трудов / отв. ред. С.П. Грушин. – Барнаул, 2006.
41. Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Итоги археологического изучения памятников неолита и бронзового века

лесостепного и степного Алтая // Алтайский сборник : сб. науч. ст. / под ред. Ю.Ф. Кирюшина. – Барнаул, 1992.

42. Шамшин А.Б. Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзы к железу в Барнаульском Приобье // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири : тезисы докл. к науч. конф. / под ред. А.П. Деревянко. – Барнаул, 1988.

43. Кирюшин Ю.Ф., Гальченко А.В., Удодов В.С., Шамшин А.Б. Хозяйственно-культурные типы поздней бронзы лесостепного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири : тезисы докл. к науч. конф. / под ред. А.П. Деревянко. – Барнаул, 1988.

44. Кирюшин Ю.Ф. Периодизация культур неолита и бронзы Верхнего и Среднего Приобья // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири : тезисы докл. к науч. конф. / под ред. А.П. Деревянко. – Барнаул, 1988.

45. Кирюшин Ю.Ф., Удодов В.С. Экологические факторы и формирование культур поздней бронзы в Западной Сибири // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири : сб. науч. ст. / под ред. Л.А. Чиндиной. – Томск, 1990.

46. Кирюшин Ю.Ф. Проблемы хронологии памятников энеолита и бронзы Южной Сибири // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири : тезисы докладов к Всесоюзной научной конференции / под ред. Ю.Ф. Кирюшина. – Барнаул, 1991.

47. Удодов В.С. О роли бегазы-дандыбаевского компонента в этнокультурных процессах эпохи поздней бронзы

Западной Сибири // Проблемы хронологии в археологии и истории : сб. науч. ст. / под ред. Ю.Ф. Кирюшина, С.В. Цыба. – Барнаул, 1991.

48. Могильников В.А. Эпоха поздней бронзы Верхнего Приобья и проблема происхождения большереченской культуры // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири : тезисы докл. к науч. конф. / под ред. А.П. Деревянко. – Барнаул, 1988.

49. Членова Н.Л. Роль миграций в сложении карасукской и ирменской культур Сибири // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье : тезисы докладов к Международной научной конференции / под ред. Ю.Ф. Кирюшина. – Барнаул, 1994.

50. Косарев М.Ф. Из древней истории Западной Сибири. Общая историко-культурная концепция. – М., 1993.

51. Косарев М.Ф. Рецензия на монографию Н.Л. Членовой «Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири» // Российская археология. – 1996. – №6.

52. Молодин В.И., Чикишева Т.А. Курганный могильник Преображенка-3 – памятник культур эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири : сб. науч. тр. / отв. ред. В.П. Алексеев. – Новосибирск, 1988.

53. Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпоху неолита – раннего железного века : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2010.

54. Дрёмов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). – Томск, 1997.